

Видеть — смотреть — не отворачиваться

Как уже не раз бывало, это сообщение представляет собой не столько связный и последовательный доклад, сколько попытку размышлений над словами Владыки, и вместе с тем попытку сделать еще один шаг в том же направлении — с ним, но без него.

I. Мученик до религий, жертва, Авель — основной миф: учиться видеть

В одной беседе во время рождественского говения Владыка говорит: «Христос вступает, как младенец, вступает со всей незащищенностью новорожденного младенца, со всей уязвимостью, со всем бессилием, и, как всякий младенец или, просто говоря — как самая любовь, человеческая и Божественная, вступая в этот мир, Он отдается полностью во власть тех, кто его окружает; Христос рождается, чтобы умереть». Владыка здесь называет основные признаки жертвы: незащищенность, уязвимость и бессилие. И дает образ жертвы — младенец. Это — то, как мне кажется, что он призывает нас **видеть**. Мы должны увидеть, что в основе домостроительства нашего спасения лежит *жертва* в узком, буквальном смысле слова. Невинный младенец, который должен умереть.

Что означает «в основе», «прежде всего», «в начале» — если мы можем мыслить это не хронологически? Обращаясь к началу Бытия Владыка говорит, перефразируя Булгакова: «...Все образы Книги Бытия истинны в том смысле, что они сообщают о подлинных вещах, но они не их точное описание». К понятию *метаистории* Владыка обращается не один раз. Он размышляет постоянно о начале творения, о первых людях — Адаме и Еве и об их детях. Однако из этих двоих сыновей он больше говорит о Каине, ставит о нем вопросы — почему жертва Каина не была угодна Богу? Зачем Каин убил Авеля? Что означает, что Бог поставил на чело Каина печать? Собственно об Авеле, о его личности и поведении, Владыка говорит немного (а я уже не раз возвращалась к этому образу, в том числе и на наших конференциях), но вспоминает его в очень существенный для всякого христианина миг, когда говорит о первых словах молитвы Господней:

«Когда мы говорим “Отче наш”, в нас должен подниматься голос всех тех, которые подобно нам — изменники, подобно нам — пали, подобно нам — ушли из отчего дома в страну далекую. И это является как бы коренным, абсолютно необходимым условием. Потому что Царство Божие — это царство взаимной любви... И в момент, когда мы называем Бога — Отцом, мы должны усилием веры, усилием воли, усилием всего своего существа признать, что все мы — братья и сестры. Да, есть братья близкие и сестры близкие, есть и далекие, но не нам судить. В начале Книги Бытия мы видим, что одного брата звали Авелем, другого — Каином. Каин убил Авеля, но Авель не противился... И в течение всей истории нашей христианской веры, у всякой жертвы, у всякого мученика была власть именем Божиим прощать. Как Христос сказал: Прости им, Отче, они не знают, что творят».

Мы видим, что Владыка рассказывает нам здесь об Авеле, как о первом мученике, образце всякого мученика. Такова традиция Церкви. Но Владыка добавляет к этому еще кое-что. Он говорит — жертва. Об Авеле именно как о жертве я и хотела бы подумать вслух.

Как мы все хорошо помним, Авель как персонаж представлен в Библии небогато. Ему посвящено семь стихов во всем Ветхом Завете. При этом активным агентом он выступает только в одном стихе, а именно — Бытие 4:4. Что же мы знаем о нем? Во-первых — имя. Г’эвель, Авель — один из немногих персонажей в первых главах Библии, чье имя вводится без всяких объяснений. Несколькими стихами выше объясняется имя Евы, в предыдущем — имя Каина, затем появляется Авель: «И еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастырь»

овец, а Каин был земледелец» (Бытие 4:2). Слово «г'эвэль» — довольно редкое, означает «пыль, прах, гонимый ветром или дуновением», в переносном смысле употребляется в знаменитом афоризме Экклезиаста — «Г'эвель г'авалим» — «суета сует». Мне представляется, что в применении к первопредку — никто более этого имени в Библии не носит — это означает просто «смертный» — тот, чьи дни на земле не долги.

Но это — не все. В библейском иврите это слово редкое и никаких семантически важных производных у него нет. Однако в индоевропейских языках и мифологии слово этой семантики имеет богатую историю.

Русское слово «пыль», славянское «персть, прах», общеславянское «пороша» родственны санскритскому «пуруша». Это слово означает «пыль, грязь, человек» (как на иврите Адам — глина). Однако Пуруша, мифологический персонаж индуистского пантеона — не просто первый человек, подобный Адаму. Он проточеловек — первое творение богов. Они убили его, безгрешного, пассивного Пурушу и из его тела сотворили мир и человечество. Таким образом, мы видим, что Пуруша связан не только с Адамом, но и с Авелем — как жертвой и как исчезнувшим стремительно и бесследно — «порошей». Это не все. В русском языке слово «пороша» утратило значение пыли, которое когда-то имело, но сохранило другое, пороша — снежная пыль. Почему это важно? По-древнеисландски то же слово, которое на санскрите «пуруша», а по-славянски «пороша» читается как «фхрос», что означает — «иней». Мы помним, как с точки зрения скандинавской мифологии появился мир. Иней появился по краям мировой бездны. И из этого инея возник первый инеистый великан (Хримтурс), по имени Имир. Этого первого инеистого великана убили боги и сотворили из него мир земной и даже свой, божественный — Асгард. Первочеловек-жертва, из которого сотворен мир — это, разумеется, общемировой архетип. Таков китайский Пань Гу и многие другие. Существуют и вариации, в которых он представлен младенцем. Таков миф о Дионисе-Загрее, сыне Зевса, младенце, которого титаны разорвали на части. В мифологии орфиков младенец Загрей приобретает отчетливые черты жертвы, принесенной при сотворении мира. Однако ближневосточная мифология, в которой естественно искать корни ветхозаветной образности, такого персонажа как будто не знает. Существует целый круг мифов о Думмузи, боге-жертве, боге-страдальце, боге-пастухе, которого часто вспоминают как раз в связи с Авелем. Он выигрывает в соперничестве с богом-земледельцем за руку богини Инанны. И по ее же наущению он гибнет и вынужден проводить половину времени в подземном царстве. Однако страдалец Думмузи ни в одном мифе не помещен в начало мира. И ни по имени, ни сюжетно не ассоциируется со смертностью, прахом, творением. А шумерские и аккадские мифы о сотворении мира рассказывают о гибели чудовища-праматери Тиамат, из тела которой верховный бог Вавилона Мардук творит мир. Однако Тиамат очень мало напоминает невинную жертву. У нее есть мало того, что хвост, но клыки, рога, ядовитые зубы и она непрерывно изрыгает огонь и распространяет зловоние.

Итак, в ближневосточной религиозной культуре и мифологии персонажа, соответствующего архетипу младенца-жертвы, видимо нет.

И очевидным образом в ветхозаветной традиции нет такого персонажа, и это отсутствие важно, мне кажется, оно зияет на месте некоего умолчания о бывшем герое мифа. Мы предполагаем, исходя из тех этимологических совпадений, о которых говорили выше, что Авель мифологически тождественен Пуруше, Имиру и иным мифологическим персонажам, соответствующим архетипу прачеловека-жертвы.

В мандейской религии Авель (Хибил) почти занимает место Христа, он не земной сын Адама и Евы, а небесный проточеловек, посланный на Землю, чтобы пострадать. Это — самостоятельная традиция. Она связывает образ первого Адама, в котором находилось все

сущее, известный в традиции иудаизма (Адам Кадмон), с индоевропейским образом первой жертвы.

Заметим, что если эта гипотеза справедлива, она приводит нас к заключению, что «основной миф», о котором постоянно говорит современная наука о мифах и религиях — это вовсе не миф о громовнике-змееборце, а миф о жертве, разорванной на куски, о зерне, упавшем в землю и умершем... о Христе.

Это означает, что в прабиблейской мифологии, в метаистории Авель был тем первочеловеком-жертвой, из которого сотворен мир.

II. Мученик — в основе богословия и богослужения: учиться смотреть

Мы можем ощутить этот исчезнувший миф и в Новом Завете, разумеется, в богословски-переосмысленном виде, в статусе образа, а не факта. В том, что Христос — это Агнец, закланный до сотворения мира. Вот как об этом рассказывает Владыка, опираясь на протопопа Аввакума: «Бог Отец, Премудрая Любовь, обращается к Сыну Своему, Которым всему надлежит быть созданным, и говорит Ему: Сыне, сотворим мир! _ И сын отвечает: Да, Отче! — И Отец говорит Сыну: Да; но этот мир отпадет от Нас — в грех, и для того, чтобы его спасти, Тебе надо будет стать человеком и умереть. И Сын отвечает: Да будет так, Отче! И советом, любовью, всемогуществом Св. Троицы создается тот мир, в котором мы живем, не такой, каким его сделало человеческое отпадение... а тот, в совершенной гармонии с Богом...»

И дальше в Новом Завете и в церковной традиции Авель служит образом Христа.

Владыка говорит, что это отражает действительное положение вещей в горнем, непредставимом мире. Трагедия не только в основе мироздания, в начале творения мира, она — раньше и больше. В этом пункте, мне кажется, то, как Владыка учит нас видеть, переходит в то, на что Владыка хочет нас научить смотреть, вглядываться в некую тайну.

Тайну того, что Божья любовь трагична. При этом, как указывает Е.Ю. Садовникова, Владыка не устает напоминать, что слово «трагедия» происходит от слова, которое в древнегреческом обозначало жертвенное животное. «Мы забываем об этом, в действительности мы об этом умалчиваем. В Боге присутствует трагедия, потому что он Бог любви. Вы можете спросить, разве возможно, чтобы человек стал причиной воздействия на Бога, ранил его своим решением. Нет, не совсем так и это делает ситуацию еще серьезнее. Потому что Трагедия присутствует в самом Бытии Святой Троицы. В начале утрени... священник произносит — “Слава Святей, Единосущней, Животворящей и Нераздельней Троице”, и в момент, когда он произносит эти слова он совершает кадилом крестное знамение, вписывая крест в провозглашение Святой Троицы». Владыка, прибегая к образам внутрисемейных отношений, объясняет (исходя из Григория Богослова), как двоица Лиц становится единой и третий каждый раз готов отступить. Св. Троица, согласно Владыке — «Это Бог, в котором присутствует трагедия, Бог в котором любовь и смерть как бы одно и то же. В котором взаимная любовь означает обоюдную предельную жертвенность». Мученик — внутри Св. Троицы. Это тайна Вознесения, в ней смысл утрени.

Продолжая эти мысли, Владыка говорит, что таково все богослужение. Такова не только метаистория, мистическая космогония, подтекст Священной истории. Такова и каждая проскомидия, с этого начинается повседневная литургия, так бьется сердце мира. Как говорит Владыка, «хлеб в этот момент становится трагическим образом Христа». Поэтому Владыка всегда подчеркивает, что на Проскомидии можно молиться за всех, крещеных и некрещеных, православных и неправославных. Из Голгофы мира никто не может быть

исключен, все мы в равной мере живем за счет невинной жертвы. Хотя мы этого не хотим видеть, как напоминает Владыка: когда он первый раз поделился этим опытом, опытом созерцания возношения Даров как Голгофы, он получил в ответ много возмущенных откликов, возражений: Литургия — это Пасха, это вторжение Царства в нашу жизнь, Голгофы в ней нет! Владыка продолжает настаивать на этом. Вера, затем христианство, затем православное богослужение (утреня — трагедия Св. Троицы, вечерня — трагедия Симеона Богоприимца, «он шел умирать», Голгофа Литургии и Часов) ведут нас в сердце этой истины, но мы не можем принять ее и отворачиваемся.

III. Мученик (Владыка, отец Павел) — в основе христианской общины: учиться не отворачиваться

Теперь от того, что, как мне кажется, Владыка научил нас видеть в метаистории, и от того, во что он научил нас всматриваться во вневременной Голгофе Литургии, нам надо перейти к трагедии человеческой истории, то есть к тому, от чего Владыка призывает нас не отворачиваться.

1. Мы знаем и сами и можем объяснить, почему жизнь есть жертва, почему жертва лежит в основе всех человеческих отношений, христианства, общины и семьи. Но, размышляя об этом, мы, как мне кажется, как правило, думаем о добровольной жертве, являющейся человеческим отображением жертвенной любви внутри Святой Троицы. Однако образ Авеля взывает к тому, чтобы задуматься о другом, о жертве невольной: о доходагах, безвестных узниках, о тех, кто никому не дорог, о ком никто не хочет вспоминать и думать, потому что мы не хотим сказать себе, что именно на их месте мы все и оказались бы в предельных испытаниях. Это и есть невинная жертва, человек, лежащий на дне жизненного потока.

2. Кажется, что ниже падать некуда, вот он — Абель, из которого мир создан, его кровью пропитана Земля и она кричит о нем, но никто не слышит. Человек без имени, без лица, лагерная пыль. Но Владыка заставляет нас спуститься еще ниже. Все мы, наверное, помним его рассказ о встрече с предателем: «Иногда лик страдания безобразен, лик страдания отталкивает нас. Однако и это может нас привести к сложной встрече именно со Христом и к пониманию чего-то по отношению к человеку и ко Христу. После освобождения Парижа стали искать и выискивать, ловить и вылавливать тех людей, которые сотрудничали с немцами, предавали и продавали других людей на смерть и на муку. Такой человек был и в том квартале, где я жил, и он сыграл очень страшную роль в судьбе многих людей. Его нашли и словили. Я выходил из дому, и шла толпа: этого человека влекли. Его одели в шутовскую одежду, сбрили волосы с полголовы, он был весь покрыт помоями, на нем были следы ударов, и он шел, окруженный толпой, по тем улицам, где занимался предательствами. Этот человек был безусловно плох, безусловно преступен; какой-то суд над ним и суждение о нем были справедливы. Через некоторое время я оказался в метро и ждал, пока придет поезд; и вдруг мне стало совершенно ясно, что именно так какие-то люди видели Христа, когда Его вели на распятие...

Мы видим во Христе Божественного мученика, но тысячи людей видели в Нем другое. По их мнению, этот человек возмущал народ, был политической опасностью, потому что из-за него римляне могли прийти, занять всю страну и взять все в свои руки, оккупировать ее; он был смутьян и в области веры, проповедовал кощунственный образ Бога; он был взят, его судили, его — как, вероятно, и теперь — били и наконец осудили на смерть. Точно та же самая картина, никакой разницы. Разница начинается там, где появляется наша вера во Христа и где мы видим Его новыми глазами. Но просто глазами можно было видеть тогда, в Иерусалиме, — битого, измученного человека, идущего под

конвоем, с кнутами на казнь, которую Он заслужил. Тут совершается встреча совершенно другого рода: встреча человека с человеком, но в свете Христа или под сенью креста.

Такого человека христианин не может просто воспринять как преступника, который идет к заслуженной казни. Потому что он как бы проектируется на фон другого человека по имени Иисус из Назарета, о Котором думали точь-в-точь то же самое, к Которому отнеслись так же, Который тоже умер. И тут поднимается вопрос о том, как мы можем в свете этого судить о человеке и судить человека... На разных планах — разное; об этом я сейчас говорить не хочу, но это видение обезображенного человека, это видение страдания отвратительного мы должны тоже воспринять как встречу».

3. Неблагоразумный разбойник (люди сумрака) и благоразумный разбойник

Ниже — нет ничего, но есть рядом. И это — главное, от чего мы отворачиваемся: от себя и своего выбора. Неблагоразумный разбойник молится так: «Разве ты — не Христос, спаси же себя и нас!» А разве мы все не молимся так? Спаси его, Господи! Если ты — Господь, ты должен его спасти!! Ты не спас его, значит ты — не Господь... Это самая обычная вера, это — наша теодицея, все иное — это святость, о которой нам позавчера рассказали — переписка о. Михаила Шика с женой, Натальей Дмитриевной, об их больном сыне.

Вера благоразумного разбойника, как мне кажется, не отличается качественно от веры его сомученика. Она больше всего напоминает веру доброго рыцаря Майлса из «Принца и нищего» в королевское происхождение нищего мальчика. Взрослому сотоварищу он сообщает реплику в сторону: «Он ничего дурного не сделал», т.е. — он невинная жертва, младенец, блаженный, не обижай его, а Спасителя утешительно и нежно просит: «Иисус, вспомни обо мне, когда Ты придешь как царь», т.е. дай мне тогда привилегию сидеть в твоём присутствии... И как было бы хорошо, чтобы Ты пришел как Царь, а не как блаженный, беззащитный человек, которого распинают по равнодушию! Это даже немножко меньше, чем просьба помочь неверию, зато это — предел человеческой любви. Распятый, благоразумный разбойник думает не о себе, чужую боль ощущает больней своей, заведомо нестерпимой. И Распятый Бог отвечает ему: «СЕГОДНЯ СО МНОЮ...», т.е. — а я уже сейчас Царь. И ты со Мной — в раю. Христос единственный раз произносит это странное слово: пардес, парадиз, сад — на Кресте. Итак, выбор нашей жизни, выбор, от которого мы отворачиваемся — это выбор между адом и раем, но не между Крестом и его отсутствием. Это в самом деле — выбор Панурга: между повешением и расстрелом, а молочный суп выбрать никому из взрослых не дано. Обычно мы хотим сойти с Креста, т.е. выбираем, как неблагоразумный разбойник: оказавшись рядом со Христом, мы требуем от Него того, что нам очень нужно и отворачиваемся от Него, когда Он не дает. И испытываем нескончаемую безнадежную боль... это — ад. А рай здесь, на Земле — это тот же Крест, *Conditio humana*. Но заодно с Христом (правда, там еще сказано «будешь», но эта надежда — за пределами нашего опыта и знания). Страдать с Ним вместе, так же как Он — это ли не высшая радость святого? Мы и об этом слышали в письмах о. Михаила... и от этой радости очень хочется отвернуться.

Не думать об этом, отворачиваться, значит — убить, как Каин Авеля, и это собственно и происходит повсеместно, постоянно во всех человеческих отношениях, во всей истории. Владыка говорит: «Каин отверг Авеля, он отказался от самого его существования и убил. И однако даже он не может избежать того факта, что человечество остается единым. И он остается частью его и в его жизни есть трагедия, которой нет простого решения. Смерть Авеля не освободила его от Авеля. Авель тут как проблема большая, когда он убит, чем он был загадкой, когда он был в живых».

4. Владыка — мученик

Не всегда мученичество предстает нам в окровавленных одеждах, с пальмовой ветвью в руках, оно может быть не слишком заметным при жизни святого. Мы помним, что только стоя над гробом протопопы Савелия Туберозова, дьякон Ахилла «теперь понимал все, чего хотел и о чем заботился покойный Савелий, и назвал усопшего мучеником».

Мы все знаем с чего началось для будущего владыки Антония откровение христианства: «Помню, я отложил книгу и подумал “Я хочу быть с Богом и даже если меня будут жечь живьем, я все равно буду любить людей, которые это делают, потому что хочу быть с Богом”». Ему было тогда 14 лет. Заканчивая последние русские беседы 2002 года, Владыка говорит: «Есть люди, которые говорят, что пока я здесь, ничего никуда не двинется. Не теряйте надежды: мне скоро будет 89 лет, и жить мне не придется без конца, поэтому вы от меня отделаетесь вовремя. И если к тому времени вы успеете создать что-нибудь стоящее, тогда вы будете радоваться и моему уходу, и тому, что вы создали, а я буду ликовать за вас, и, чем смогу, сотрудничать».

Прошло 75 лет с тех пор, как он принял решение — любить до конца жертвенной любовью, и в этих словах звучит завершение пути начатого тогда, пути жертвы. И как он собирается сотрудничать с теми, кто ждет его смерти? Сотрудничать — откуда? Пушкинское «не я увижу»... Владыка принят и усвоен поверхностью церковной жизни, но я думаю, мы все знаем, и те, к кому он тогда прямо обращался, ободряя их тем, что скоро умрет, и те, кто, спустя десять лет скорбит о нем, что и он, как тот, кого разорвали на куски, остается сейчас бóльшей проблемой. Бóльшего требует от Церкви, чем даже тогда.

5. Церковь — гонимое сообщество

Ведь вся наша современная церковная действительность построена на попытке отвернуться от того, что Церковь в истории — это гонимое сообщество. Она не может быть другой, — Христос все сказал заранее! «Меня гнали — и вас будут гнать». Никакого, так сказать, здесь разнообразия не предложено... Однако, совсем недавно мы услышали и увидели, например, на улицах Москвы кощунственное лозунги, выкрикиваемые и натянутые через главные площади столицы: «Православным быть выгодно». Эту антихристову ложь не опровергла публично наша церковь.

Мне кажется, что десять лет назад Лаодикийский, если так можно выразиться, период жизни нашей Церкви был в самом расцвете. В двух словах поясню, что я под этим подразумеваю. Я думаю, что сейчас русское православие, подобно огромной реке, растекается на несколько потоков: первый, еще недавно — основной, можно условно назвать Лаодикийским. Это та ветвь Церкви, которая «не холодна и не горяча», она строит храмы там, где это удобно местной администрации, ставит в армию капелланов, а в школы — преподавателей «Основ православной культуры», она живет в согласии с начальством, в мире с собой — ей принадлежит настоящее. Но не будущее. Десять лет назад скандалы, потрясшие нашу церковную жизнь в последние полтора-два года, были еще впереди. Храм Христа Спасителя сиял неопозоренным золотом, подавляющее большинство думающих людей называли себя православными или симпатизирующими православию. И многим казалось (казалось, боюсь, и мне), что можно гармонично сочетать в своей церковной, общественной и частной жизни стремление к бытовому благополучию, добрые отношения с начальством и верность Христу. Сейчас, я думаю, Лаодикийский период заканчивается. То, что Церковь — гонимое сообщество, становится все более и более очевидным. Некоторые закономерности церковной жизни, законы выживания и проживания гонимого сообщества замечаются только тогда, когда прошли и их нет больше или когда они сочетаются с небывалым. Например, Сурожская епархия была во всем уникальна; прежде всего в том, что

во главе ее полвека стоял Владыка и все прихожане Успенского собора, все верующие епархии могли взирать на «человеческий образец», по слову Бонхеффера. Ведь Владыка был образцом наглядным и живым, и нам нужен образец, на которого можно смотреть и трогать его, а не только знать и помнить о нем. Однако то, что мы слышали от Ирины Яновны фон Шлиппе о том, как все в епархии происходило в соборном согласии и на ответственности самих прихожан (например, когда был ремонт собора, его покрасил целиком один прихожанин, и даже краску покупал на свои деньги), о том, что все делалось бесплатно, за счет прихожан и их единственного усилия, как в храме, так и во всей епархии; это — хотя это удивительно сейчас слышать, но само по себе это закономерно: так только и может жить гонимое сообщество или меньшинство. Точно так же, очень многое, из того что мы знаем про самостоятельную ответственную жизнь Сурожской епархии, является нормой, например, в жизни Преображенского содружества малых братств, называемого в просторечии «кочетковцами». Будучи гонимым сообществом, они, разумеется, сами, в своей среде, если им нужно построить дом, зовут и архитектора, и плотника, и на свои средства покупают бревна — а кто извне им что-то даст?

Мне кажется, что реальность Церкви как гонимого сообщества в целом в некотором смысле обеспечивалась Советской властью, и трагедия Церкви последних десятилетий состоит в том, что Советская власть эту реальность перестала обеспечивать. Церковь перестала во внешнем мире быть гонимым сообществом, но она не может перестать быть гонимой, потому что это суть Церкви. Она — Тело Христово, а Тело Христово ломится за своих гонителей. И как бы ни хотелось об этом забыть, забыть об этом не удастся. И мне кажется поэтому, что, может быть, те события, которые заставляют всех нас так тяжело страдать, в каком-то смысле служат ко благу. Итак, по-моему, Лаодикийский период заканчивается. В начале этого года его конец был обозначен для меня, но, думаю, не только для меня, такой вехой, как разрушение приходской общины села Заостровье. Люди там жили по Евангелию и, на этот, как выразилась Ольга Александровна Седаква, «труд любви», поднялась рука не у светских властей. Люди, служащие в церкви, не захотели видеть перед собой этот пример и постарались его оклеветать и уничтожить. Эта откровенность «церковного двойника» по слову С.И.Фуделя, поставила под сомнение сам образ того «учреждения», в которое, как написал однажды Владыка, «мы сумели превратить Церковь, большую мира». Мне кажется, что в настоящий момент прежний исторический период совсем закончился, началась новая *грозная* эпоха; «время христианствует», как говорила мать Мария. Мученическая кончина отца Павла Адельгейма (кстати, первый день нашей конференции выпал на его сороковины), преданного почитателя Владыки и образцового воина Христова, случившаяся на следующий день после десятилетия кончины Владыки, знаменует завершение целой эпохи нашего церковного лицемерия. Фарисеи строят гробницы пророкам, клянутся именем Владыки, служат панихиды по отцу Павлу... Мы знали, что ведет к смерти Владыку, я только что привела его слова. Мы знали, в конце концов, что на отца Павла уже совершалось покушение, мы — отворачивались. Когда в церковной ограде начинаются гонения на Церковь Христову, мы больше не можем отворачиваться.

Я, конечно, не знаю, что обещает нам новая церковная эпоха, у какого края мы стоим. Мне кажется, надо доверять совету Владыки: «Верить в историю человеческого рода», — советует нам Владыка. — «Верить в предназначение мира. В то, что все происходящее в мире — часть его постепенного восхождения, через взлеты и падения, трагедию и славу к откровению грядущего Бога».

14 сентября 2013 года, церковное новолетие

(Публикуется по тексту: <http://www.pravmir.ru/videt-smotret-ne-otvorachivatsya>)